

## Евангелие Достоевского от Тобольска

Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска» и издательско-полиграфический комплекс «Новые решения» провели в Российской государственной библиотеке презентацию настоящего произведения книжного искусства — переиздания Евангелия, подаренного Достоевскому в Тобольске жёнами декабристов Фонвизиной и Анненковой по дороге на каторгу в Омский острог

В трёхтомный комплект, подготовленный к публикации выдающимися учёными—специалистами по творчеству Достоевского с мировыми именами В.Н. Захаровым и Б.Н. Тихомировым, заведующим отделом рукописей Российской государственной библиотеки, главным хранителем и исследователем книжных сокровищ России В.Ф. Молчановым, вошли факсимиле личного экземпляра Нового Завета великого писателя со всеми его пометами. А также исследования и комментарии учёных к маргиналиям Фёдора Михайловича, подробное описание отражений Евангельского Слова в его произведениях.

Все три тома заключены в деревянный короб, символизирующий каторжный вагон, чем автор художественного решения этого издания — выдающийся мастер книжного искусства Е.В. Валериус — слово подчёркивает в обстановку душевных страданий и житейской неустроенности, в какой находился писатель во время пребывания в Омском остроге. Но именно там в сердце Достоевского разгорялась драма переосмысления мировоззрения или, как он называл её сам, «перерождения убеждений». Каторга

покупать и распространять, так что к январю 1850 они ещё были в продаже. Н.Д. Фонвизина имела в своём распоряжении около десяти экземпляров и одарила каждого из заключённых петрашевцев. Почти все подаренные другим узникам книги не сохранились, но, к счастью, уцелел и находится сейчас в Москве, в архиве Российской государственной библиотеки экземпляр, принадлежавший Достоевскому. Книга впитала каторжные пот и грязь, хранит самые ранние пометы (ногтем), многочисленные подчёркивания, записи на полях, сделанные рукой самого Фёдора Михайловича (их более 1400). Она осеняет жизнь и творчество гения. Кажется, все его романы исходят из этих ремарок, подчёркиваний и знаков, а силуэты персонажей проглядывают между строк Писания. Благодаря оригинальному решению художника Е.В. Валериуса в издании, представляемом фондом «Возрождение Тобольска», эти пометы просматриваются отчётливо, позволяя промыслительно всмотреться в них.

Предыдущее факсимильное издание (двухтомное) личного экземпляра Евангелия Достоевского было представлено в Российской государственной библиотеке



стала для писателя местом, где он заново открыл для себя Евангелие. Поэтому он вспоминал о заключении не только без ропота, но даже с благодарностью. «О! это большое для меня было счастье: Сибирь и каторга! — восклицал он, например, в 1874 году в разговоре с писателем Вс.С. Соловьёвым. — Я только там и жил здоровой и счастливой жизнью, я там себя понял, голубчик... Христа понял... Русского человека понял и почувствовал, что я и сам русский, что я один из русского народа...».

Достоевский и Новый Завет — это удивительная история взаимоотношений великой личности и великой книги, ярчайшая страница истории культуры России. Евангелие даёт для понимания Достоевского больше, чем любые исследования о нём.

Книга, с которой Фёдор Михайлович никогда не расставался в течение 30 лет, представляла собой первое издание Евангелия в переводе на русский язык под редакцией Герасима Павского, осуществлённое в 1823 году Библийским обществом под руководством епископа Филарета Дроздова, будущего митрополита Московского.

В 1826 году деятельность Библийского общества была прекращена, но отпечатанные экземпляры Нового Завета хранились на складах, их не возбранялось

в 2010 году, а только что выпущенное по своим научно-художественным и издательским характеристикам является, по сути, памятником русскому гению.

Создавая «Евангелие Достоевского», исследователи около двух десятков лет изучали каждый сантиметр книги. И ценность она имеет не только потому, что заключает в себе ход мысли гения и позволяет глубже понять личность несравненного Фёдора Михайловича, но и потому, что это была основная книга в его жизни, она в буквальном смысле хранит все испытания и озарения, пережитые её владельцем. В том числе раскрывает одну из великих тайн творчества Достоевского, которую разгадывают во всём мире. Очень точно сказал сербский святой Иустин Попович: «Тайна и сила России — в православии». Слава Богу, что есть люди, которые эту силу выражают. Достоевским сказано в набросках к «Дневнику писателя» за 1876 год: «Библия. Эта книга непобедима». «Библия принадлежит всем, атеистам и верующим равно. Это книга человечества».

Бесспорно, новое «Евангелие Достоевского», учитывая масштаб личности и творчества писателя, получит признание не только в России, но и во всём мире.

По материалам пресс-службы фонда «Возрождение Тобольска»

центре стояла колонка текста, прочитав который я понял, почему Белов просил читать внимательно и почему он написал уже для всех нас о том, что «кого Господь решит наказать, того Он лишает памяти»...

Это была цитата из Энгельса, чей профиль навсегда впечатался в мою память с детских лет, когда на первомайских послевоенных демонстрациях он был впаив на знаменах в один ряд с Марксом, Лениным и Сталиным. Немец, еврей, грузин и Ленин — «четверо евангелистов», написавших, по убеждению Белова, теорию революции и практику коллективизации. Текст Энгельса, выделенный Беловым в центр страницы, гласил:

«Всеобщая война, которая разразится, раздробит славянский союз и уничтожит эти мелкие тугоголовые национальности вплоть до их имени включительно. Да, ближайшая всемирная война сотрёт с лица земли не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы, и это также будет прогрессом.

Мы знаем теперь, где сосредоточены враги революции: в России и в славянских землях Австрии... Мы знаем, что нам делать: истребительная война и безудержный террор. Фр. Энгельс».

Страшные слова и мысли, которые почти буквально и не раз повторил Адольф Гитлер на страницах злобещей книги «Майн кампф».

Борьба белой цивилизованной Европы со славянством, с азиатством, с восточным варварством, с «реакционными народами» и «мелкими тугоголовыми национальностями»... Вот какова была программа Европы и при Наполеоне, и при Меттернихе, и при Бисмарке, и при Энгельсе, и при Гитлере... Недаром Владимир Кожин писал о том, что Восточная Европа, в сущности, является кладбищем многих славянских этносов, перемолотых немецко-тевтонской силой.

Так чем же взгляды марксиста Энгельса отличаются от взглядов национал-социалиста Адольфа Шикльгрубера или Йозефа Геббельса, называвших всех без исключения славян «варварами», «татарами», «азиатами»? Означает ли это, что германский менталитет сильнее мировоззренческих, идеологических, политических, партийных и даже религиозных разногласий? Неужели знаменитые слова Сталина о том, что «гитлеры приходят и уходят, а германский народ остаётся», мы поняли неправильно, решив, что сущность «Дранг нах Остен» заключается в гитлерах, а на самом деле она заключается и в энгельсах и, может быть, в самой генетике, страшно сказать, немецкого народа?

Как бы там ни было, но Белов создавал свою последнюю книгу о трагедии русского крестьянства, думая об этом. И перекличка его мыслей с монологом Гитлера из фильма «Белый тигр» не случайное совпадение...

То, что проницательный историк Иосиф Сталин догадывался об этой извечной европейско-германской мечте, изложено в воспоминаниях югославского политика Милована Джиласа, который встречался со Сталиным незадолго до окончания Второй мировой войны: «Он без подробных обоснований изложил суть своей панславистской политики:

— Если славяне будут объединены и солидарны, никто в будущем пальцем не шевельнёт. Пальцем не шевельнёт! — повторил он, резко рассекая воздух указательным пальцем.

Кто-то высказал мысль, что немцы не оправятся в течение последующих 50 лет, но Сталин придерживался другого мнения:

— Нет, оправятся они, и очень скоро. Это высокоразвитая промышленная страна с очень квалифицированным и многочисленным рабочим классом и технической интеллигенцией, лет через двенадцать-пятнадцать они снова будут на ногах. И поэтому нужно единство славян. И вообще, если славяне будут едины — никто пальцем не шевельнёт».

Пророческие слова, но нет пророка в своем Отечестве... И памятьник Фридриху

Энгельсу гордо высится напротив храма Христа Спасителя.

\* \* \*

27 ноября 2002 года, в день, когда мне исполнилось 70 лет, я затемно проснулся, быстро оделся и открыл входную дверь. Но за спиной раздался голос жены:

— Ты куда?

— Я за газетами. Надо посмотреть, что они пишут о моём юбилее. Прочитаешь и наконец поймёшь, с кем живёшь всю жизнь, — пошутил я и побежал вниз по лестнице.

На улице сеял мелкий снег. Было холодно и сыро. Но дышалось легко. В рассветной полутьме возле газетного киоска толпилась очередь. Подойдя к окошку, я спросил газету «Завтра», в которой должна была выйти беседа со мной. В ярко освещённом кубе киоска, как рыбы в аквариуме, плавали две продавщицы. Одна из них деловито и холодно ответила мне:

— Этой националистической газетой мы не торгуем.

— Тогда дайте «Советскую Россию»!

Но ответ был неутешительный:

— Коммунистической прессы у нас нет!

Я схватился, как за соломинку, за «Комсомолку», вспомнив, что в ней должны быть опубликованы мои стихи.

— Было четыре экземпляра — все продали!

Спиной я почувствовал, что очередь людей, жаждущих схватить в киоске какое-нибудь чтиво и нырнуть в метро, начинает ненавидеть меня, и в отчаянии прокричал киоскершам:

— Ну дайте хоть «Литературку» или «Труд»! — В них, как мне помнилось, что-то должно было появиться о моём юбилее.

— Нет ни того, ни другого! — последовал ответ не на шутку разгневанной киоскерши.

Я взбеленился:

— А что же у вас есть?!

— Только «Московский комсомолец»!

— Ах, вы только жёлтой прессой торгуете? Да взорвать бы ваш киоск!

И это было роковой ошибкой с моей стороны, поскольку незадолго до того в Москве прогремел взрыв в одном из подземных переходов. Обе киоскерши — крепкие, розовощёкие, наглые — в ярости высунули свои мордочки в окошко:

— Отойти от киоска, старый козёл!

Униженный и оскорблённый, я повернулся спиной к этим ведьмам и побрёл домой без единой газетки. Ноги мои вдруг потеряли упругость и стали шаркать по мокрому асфальту.

— Ну, где твоя хваленая пресса? — спросила меня жена.

Я развёл руками и рассказал ей про своё унижение.

— Не огорчайся! — утешила меня Галя. — Сейчас приедешь на работу, тебя сотрудники поздравят, цветы преподнесут, ты сразу и помолодеешь!

Позавтракав, я вновь пошёл к метро, спустился в его чрево, пройдя мимо мерзкого киоска, дошёл до турникета и стал искать в карманах «Карточку москвича», дающую право на бесплатный проезд, но быстро понял, что забыл её дома. Женщина в форме, стоявшая возле турникета, естественно, преградила мне дорогу.

— Дорогая! Пропусти, ради Бога! Карточку я забыл, а подниматься по лестнице за билетом неохота!

Но женщина в форме была сурова не менее, чем киоскерши:

— Не теряйте времени на разговоры, подымитесь и купите билет!

Я взмолился:

— У меня сегодня день рождения, мне семьдесят лет исполнилось, вот, погляди-те мой паспорт!

Я протянул блюстительнице порядка свою «краснокожую паспортину», но она оскорблённо отстранила мою дрожащую руку и холодным казённым голосом отчеканила:

— Не издевайтесь надо мною, молодой человек!

Вот так вот в течение получаса мне удалось побывать и «старым козлом», и «молодым человеком»... Весёлая вещь — юбилей!